

18+

Евгений Демидович
Марат Капашев
Анатолий Корниенко
Олеся Дубиковская

Четверо из Ковчега

Стихи и проза №1

Марат Капашев
Анатолий Корниенко
Олеся Дубиковская
Евгений Демидович
Четверо из Ковчега.
Стихи и проза №1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70373719
ISBN 9785006227392

Аннотация

Там – за гранью слов в стихах, всё небо колышется рожью. И гераклитово время сыплет рифмы-жемчуга из золотой кружки. К родившемуся фараону уползает улитка мира из сознания дня. Ночь свисает с неба виноградной гроздью. Леонардо да Винчи меняет приметы времени. Наконец, сороки склюют улитку неба до чистого разума, и солнечный смех родит тёплую кровь, бегущую по венам... всё станет идеальным – до противоестественности... как в детских иллюстрированных книгах, которые ты читал, когда был маленьким.

Содержание

Какого цвета «ЧЕ»?	8
Евгений Демидович	11
Хроники пикирующего Икара	11
1996—2023	12
Дню космонавтики	13
БЕСКОНЕЧНОСТЬ	14
ИКАР	15
В. Растёгину	16
ГОРОД	18
ВРЕМЯ ПИСАНИЯ	19
РАЗГОВОР ОБ ИСКУССТВЕ	20
Два стихотворения на заданную тему	22
1. РАЗВИВАЯ ЗЕНОНА	22
2. ПОДВИГ ИКАРА	23
«БУДЕМ КАК СОЛНЦЕ!»*	24
ИЗ ПЕРЕПИСКИ...	26
Я вам пишу... Какого пэра?	26
«Из сора, из праха, из воздуха...»	27
«Об этом небе сером написать...»	28
РЕКА	29
Выстрел в небо	31
В НОЧНОЕ ВРЕМЯ СУТОК	33
МУЗЫКА	34

«Ребёнком я знал...»	35
искушение богом быть	36
«Вот и не знаешь, что делать: плакать или молиться...»	38
«Я люблю переходить на красный свет...»	38
«Наши синие сны стережет проливная луна...»	39
«Ты не станешь моей судьбою...»	40
«Быть может, я совсем не тот...»	40
ОСЕНЬ	41
«Как светла и прозрачна печаль...»	42
«В клетках памяти обретаем мы бытие...»	44
«Двадцать восьмая весна, как герои- панфиловцы...»	45
моей душе...	46
ВОЗВРАЩЕНИЕ	47
Марат Капашев	49
Ну почему бы мне не родиться фараоном	49
Попытка тоста	50
«Всё менее ретиво ретивбе...»	51
«Капелька вечности на твоей ладони...»	52
«Как амфоры афинской горло...»	53
«Открыты шлюзы сна...»	54
«Любитель книг...»	55
«Королевы твои постарели давно...»	56
«Время тает в часах электронных, в часах	57

песочных...»	
«Допустим: влюбился, допустим, женился...»	58
« Когда улитка выползает...»	60
«Пусть сияет твоя доброта...»	62
«Пусть будет скромно, неприметно...»	63
« Нетленны наши души, и быть может...»	64
«Пусть говорят: любовь слепа...»	65
«Я тебя не дёргал за косички...»	66
«Всех снов холодные носы...»	67
«Скажу, что ниже всякой критики...»	68
«Остановись, мгновенье! Ты прекрасно!..»	69
«На сотни каратов мои жемчуга...»	70
«В спираль закручена ракушка...»	71
«Я молю о бутонах глазастых...»	72
«В мою печаль крупинка света...»	73
«Колонны дорический ордер...»	74
«На заре ты её не буди» ...»	75
«Скажи мне: от каких невзгод...»	76
«На свете счастья нет» ...»	78
«Как трещина по хрусталу...»	79
«Какая песня за душою!..»	80
«Закатом сожжёное небо...»	81
«А мне б проснуться на рассвете...»	82
«Нам за любовь дадут бессмертье боги...»	83
«Я знаю, что неравна мена...»	84
«Я думаю – ах, о чём же? ...»	85

«Иду по жизни, как по полю минному...»	87
«Вот бабочка – порхающий цветок...»	88
«Скучен плагиат, как ворованный воздух...»	89
«Всё тик-так...»	91
«Порою комментарии к роману...»	92
«Для бедной мышки...»	93
«Я прощаю всех женщин, прошедших...»	94
«Они сошлись: Кирпич и камень...»	95
О молодости	97
Сказание о Ленине	98
«Если поезд – значит скорый...»	101
«Жить не по правде, не во лжи...»	102
«Валентина, точно птица...»	103
«Весь мир казался мне с горошину...»	104
Конец ознакомительного фрагмента.	106

Четверо из Ковчега Стихи и проза №1

Евгений Демидович
Марат Капашев
Анатолий Корниенко
Олеся Дубиковская

Составитель альманаха: Анатолий Корниенко

© Евгений Демидович, 2024

© Марат Капашев, 2024

© Анатолий Корниенко, 2024

© Олеся Дубиковская, 2024

ISBN 978-5-0062-2739-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Какого цвета «ЧЕ»?

Этот сборник я увидела в цвете. Сигналом стало то самое «ЧЕ», которое м а я к у е т из «ЧЕтверо из КовЧЕга»...

Насыщенный сине-фиолетовый, как навязывает интернет? Холодный, бездушный, безучастный, пресный, скучный, аморфный? Или циничный, энтропичный?

В классическом «Чуждый черным чарам челн»: Ч – динамично, целеустремленно, деятельно, революционно, целенаправленно. Но при этом безжизненно-ледяное. Просто плывет непонятно куда и зачем, как лермонтовский парус.

Но, в нашем случае кудрявое «Е» приклеилось и все поменяло. Наверняка, чтобы добавить теплоты, эмпатии, веры, надежды и в который уже раз подтверждения аксиомы *Vita brevis ars longa*. ...И стал челн Ковчегом. «...Продолжалось на земле наводнение сорок дней и сорок ночей, и умножилась вода, и подняла ковчег, и он возвысился над землёю и плавал по поверхности вод. ...И лишилось жизни всякое существо, которое было на поверхности земли, остался только Ной и что было с ним в ковчеге...»

...Когда в 2017 году ушел из жизни Владимир Растёгин – Ной нашего костанайского литературного «Ковчег», казалось, что, в отличие от того, библейского, нашему ковчегу не выжить, не выплыть, не выстоять.

Два года ещё держались «Берега» и «Крылья», потом – все

утонуло, кануло, растворилось в пучине времени.

Но жив курилка!

Как и в том библейском, наших тоже осталось *minimum minimumum* – по пальцам одной руки пересчитать. А если точно, то одной руки без учета мизинца.

...И по-прежнему растут проникновенные рифмы, многослойные метафоры «...из сора, из праха, из воздуха, из толщи земли и огня» – из книг трёхтомника Владимира Растёгина —

...и возраждаются у мастера диалогов с классиками Евгения Демидовича, строки которого хочется с азартом разгадывать, как кроссворды,

...по-прежнему выползает из звона дня улитка Марата Капашева, решившего оставить нам (а почему бы и нет!) тысячи томов вместо тысячи домов.

...И воскрешает Леонардо, Данте, Абулхаира, Анну Каренину Анатолий Корниенко, ломая и собирая заново их истории, мысли, облекая их в новые ритмы и рифмы.

...И оксюмороном сталкивает в прозе земное и неземное, людское и инопланетянное Олеся Дубиковская – в диалоге культур между тем, что есть, и тем, что может быть... Или не может.

...И плодятся, и размножаются образы, строки, строфы, стопы... Потому что рукописи не горят, но они же и не тонут. *Ars longa!*

И верю: через год заявит о себе новая четверка, и сборник

непрерывно станет серийным. И «ЧЕ» при этом будет по-прежнему живым, пшеничным.

Ольга Кунгурова

кандидат филологических наук, профессор.

Евгений Демидович

Хроники пикирующего Икара

1996—2023

Дню космонавтики

Неведомый Улисс проложит борозду
по чёрной целине космического поля,
засеяв зёрна звёзд...

Достать рукой звезду,
взошедшую во тьме и яркую до боли,

так хочется порой...

Но руку обожжёшь!
Порежешься о край стальной её, неровный...
А небо в вышине колышется, как рожь,
над маленькой Землёй, сей ноосферой скромной.

Куда спешишь, Улисс? Какие рубежи
тебя манили ради подвигов и славы?
Как быстро время гераклитово бежит!..
Но отступает перед Вечностью стоглавой.

И дольше века день, и миг – в сто тысяч лет.
И море, движимое вечною причиной,
сближающей стихии на Земле
и женщину сближающей с мужчиной,
оставит след на медленном стекле.

БЕСКОНЕЧНОСТЬ

Я – заброшен... заброшен я в мир,
я – прохожий, похожий на вечность;
спит в душе у меня – бесконечность...
бесконечность космических дыр.

Я прохожий (я просто – прохожий),
непохожий на вас... и на вас...
да и сам на себя – не похожий
в каждый новый мной прожитый час.

Каждый час я иной. Неизвестный...
ни тебе, ни себе... никому:
ко всему, – то как берег отвесный,
то как бьющий родник – ко всему.

Я заброшен... но в сердце – беспечность;
а забота – забыта, и спит...
спит, пока... но душа – откипит.
И проснётся моя бесконечность...

ИКАР

Ночь, как чума... Фонарь – под глазом, —
как солнце, что несёт несвет,
и незаря всех зол, зараза,
взошла держать в Филях совет.

И на обломках от Икара —
что сам хотел быть Бог и царь —
царапал руны вор – и каракал,
ночной докучливый швейцар.

Слова – в карман. И карты – в руки...
Икар, ты держишь жизнь за хвост?
Весь прок от порки до поруки
судьбы – припарки на погост,

когда не греет свет из окон
и ночность длится до бровей...
Но и зажмурясь, помнит око
цветок тот – в ситцевой траве...

В. Растёгину

*Свет одиночества в окне
всю ночь горит, не угасает...
Владимир Растёгин*

Ночами светится окно,
на мир взирает одиноко.
Чудовища больного оком
порою чудится оно.

Всю ночь чудовище не спит,
ворочается, жарко дышит.
На небо смотрит и на крыши,
свой набирает аппетит.

Оно потребует себе
к утру положенную жертву.
Наполни же скорей фужер твой
и не печалься о судьбе.

Нам ничего не изменить,
когда судьба дана нам свыше.
Мы можем лишь её услышать,
в руке нащупать жизни нить.

Держи её, не выпускай

из рук своих, назло ироний.
Пусть озабочен карк вороний
проблемой верного куска.

Души на лозунги не трать —
водой уйдёт в песок Тобола...
точнее, Леты... Но оболочкой
стихов останется тетрадь.

Озноб проходит по спине —
с ночной реки тревожный ветер.
Кого-то, может быть, приветит
свет одиночества в окне.

ГОРОД

Город штампов стоит, освящённый собранием солнц,
и окно в этом городе – первый до гроба штамп.
Помнит город сбивчивый тёмный сон,
будто стены незрячие ждут наши души там.

А пока – открываем привычно глаза квартир.
Для полётов в небо – преградой отвесный крест.
Взор мой сырый, город, отвороти
от весны напрасной, что в памяти, как порез.

Никуда нам не деться от власти распятых слов.
Мы раз пять или десять им скажем: «прости-прощай»,
но возьмём в руки слово, как камень и как весло...
Наше сердце – корабль, язык грешный наш – праща.

Переставим слова, или мысли о них, в строке.
Пусть наш грешный язык заплетается, как алкаш.
Муравейник горящих пред стартом квартир-ракет
ждёт лишь знака, когда прокричит муэдзином ночным
шакал.

ВРЕМЯ ПИСАНИЯ

Время Неписания стихов
Между приступами фиолетовой лихорадки
Ограничено словом «*существование*»
И граничит с жёлтыми лицами
И серым веществом человекoв,
Именуемых «*homo sapiens*».

И время это – растить детей и собирать камни.
Я – разбрасыватель камней —
Детей своих отдаю публике;
Публика съедает детей моих —
Разбрасывателя камней.

Есть время растить детей —
Есть время разбрасывать камни;
Время сеять хлеб —
И петь песни.

Пою я песни.
Я – разбрасыватель камней.

РАЗГОВОР ОБ ИСКУССТВЕ

Я не писал стихи целую вечность...

и потерял форму, и содержание.

Знаю, искусство не терпит простоя... оно, конечно...

ну а точнее, – оно бесконечно. Я это знаю!

Знаю ещё, что оно уступает жизни

(в «схватке за жизнь» «не на жизнь, а на смерть»);

только не дал бы за жизнь я и свой мизинец,

а за искусство пошёл бы... Хоть «курам на смех»

я бы пошёл, или на мыло – шеям,

собственной шее – на мыло и на верёвку...

Это метафоры только... меня нежнее

трудно найти и преданней той чертовке,

что называют жизнью, люблю её я!

(Речь не о той, что бьёт и имеет хватку,

жизнь как омоним жизни: зовясь любовью,

жизнь вступает лишь в схватку

со смертью и в родовые схватки).

...только лишь слово. Другой разговор – искусство,

есть оно, есть; и ни съесть его, и ни выпить,

и целовать его, и обнимать до хруста

также нелепо, как сахар на рану сыпать...

Знает любая девочка, в юбочке и сандалиях,
раны и огурцы посыпают солью.

Не потеряться не просто в прекрасных далях —
в этих глазах – как озёра, как лес и поле.

В этих глазах полыхают-горят закаты,
и зажигают во встречных сердцах рассветы...
Так и искусство, которого, знаю, хватит,
чтобы зажечь все светила и все фонари на свете.

Что есть искусство, которого нам не выпить,
как ни пытайся выпить его с друзьями?
Может, искусство красной подобно сыпи,
если болезнь Прекрасной подобна Даме.

Два стихотворения на заданную тему

1. РАЗВИВАЯ ЗЕНОНА

Военный лётчик не догонит черепахи,
Не сварит черепаховый бульон...
Знать, родилась рептилия в рубахе,
Коль сочинил апории Зенон.

Он доказал внушительно и смело,
Что нет движения в природе, ни «над ней».
Недвижно солнце, облако и тело,
Ни ветер не движется, ни свет, ни мир теней.

Стрела покоится в выси среди полёта
В той точке, где висит, и в той, где её нет,
И безмятежен вечный сон пилота,
И бесконечен незаконченный сонет.

Недвижен истребитель на афише,
Заглохло сердце, как оплавленный мотор.
Никто не пьёт, не курит и не дышит,
Никто полковнику сто лет уже не пишет,
Не спит, не ест, не каркнет «Never more».

Движение подобно симулякру
(как бы сказал французик Бодрийяр).
Историю закрыли, словно чакру,
Событий нет, политика – PR...

И сколь бы ни смотрел ты в телевизор,
Иль на афишу фильмы в синема,
Знай, милый друг, всё движимо капризом
Воображения и ловкого ума.

2. ПОДВИГ ИКАРА

Военный лётчик-камикадзе
подобен черепахе-ниндзя,
когда она летит в экстазе
на камень...

В смерти ему снится
всё то же солнце на закате,
всё та же сакура и камни,
а если грусть-тоска накатит, —
саке добавит сердцу пламень.

Он до сих пор парит в полёте
и видит поле, лес и крыши
домов; как пуля на излёте,
вся жизнь его, и как афиша
о фильме про войну.

Он слышит
зов предков – смерть ему, как вызов.
Земля всё дальше. Солнце – ближе...

А мы всё смотрим в телевизор...
2009 г.

«БУДЕМ КАК СОЛНЦЕ!»*

Терпи, бумага! Скрипи, перо!
Терпи, бумага! Скрипи, перо!
Скрепляй, художник, порыв пера
В один шедевр, что, как паром,
отчалит в небо. (Давно пора!)

Пусть грянет буря! Пусть грянет туш!
Нагрянут гунны из недр души.
Довольно робких и мёртвых душ,
горящих зданий не затушить!

Пари над миром! Дерзи! Дерзай!
Играй со спичками и грозой!
Спасай, художник, как дед Мазай,
сей шарик, блестящий бирюзой.

А ищешь Бога – ему пиши!
Иди по крышам к нему пешком.

Ты стал, как солнце. Таким большим.
Войти бы в счастье сквозь ушко...

* Так называлась книга К. Бальмонта

ИЗ ПЕРЕПИСКИ...

Я вам пишу... Какого пэра?

Я вам пишу... Какого *пэра*?

Что я могу ещё сказать

Стихами?.. Полно! Где же мера?!

Ведь, меру верно нужно знать!

Но, если мера не в почёте,

То я сажусь писать стихи.

Они, что ангелы в полёте,

Легки... и даже не плохи!..

И даже где-то гениальны!

(но где-то очень глубоко!).

И рифмы даже, пусть, банальны...

Зато писать мне их легко!

А вам читать легко, читатель!

И почитать меня за то,

Что я делить на знаменатель

Небытия стихи готов...

Блин! Что ж такое написал я?..

Вот, написал и сам завис,
как старый комп... и рифму «стулья»
поставил не попад... На бис
я вам ещё понакатаю
стихов, понавтыкаю фраз
любых, что на губах растают...
и прочитаю их не раз...

Стихов моих золотая стружка
из-под поэзии станка
струится... Стойте! Где же кружка?..
Да, вот, хотя бы и стакан!

«Из сора, из праха, из воздуха...»

Из сора, из праха, из воздуха,
из толщи земли и огня
рождаются рифмы... без отдыха
крылатого гонят коня...

Летит он над кручей и бездною,
лесами, лугами, жнивьям,
водою морскою и пресною,
и над человеческим жильём.

Летит над селом и над городом,
над хижиной и над дворцом —

рифмуется с творческим голодом,
с небесным Отцом и Творцом.

Ещё он, крылатый, рифмуется —
с любовью, и с кровью берёз...
А в небо вливается улица,
рифмуясь с дорогою звёзд.

Рифмуясь с приставленной лестницей
с картины работы Дали...
И рифмы, крылатые вестницы,
кружатся, как будто шмели.

«Об этом небе сером написать...»

Об этом небе сером написать,
или о снеге рыхлом под ногами?..
Пусть будут благосклонны небеса
с далёкими античными богами
к поэту, и пошлют ему с небес
какого-нибудь в яблоках Пегаса,
чтоб тот копытом бил,
и ключ Кастальский сразу
открыл под снегом...

Далее... чтоб лес
вдали чернел, и ель чтоб зеленела...

И птичка певчая о милой его пела
(глагольной рифмою нимало не стыдясь).

Хлеб прыгал в печь,
Емеля правил печью,
вещала щука речью человеческой
и обещала счастье навсегда...

Из льдинок слово
складывалось – «вечность»,
и таяло
на солнце
без следа.

РЕКА

В ночи – метель,
и воздух лют.
Как скрип петель,
ветра поют.
Как скрип души,
в окне – зима:
стреляй!
души! —
сходи
с ума!
Кричи и бей-

ся об стекло,
как воробей.

На стол стекло
всё

из груди,
легло в строку.

Загороди
рукой реку
вишнёвых слов!

За—го—ро—ди!!!

Каков улов
слов

в лунах
льдин?...

Каков косяк —
в путине строк?! —

и так,

и сяк

ты не Пророк!

...и не Месси-
я, но — вскрыв

рык —

реви «мерси!»

и р—

ви язык,

багряный свой.

«Мерси» судьбе!

Твой рьяный вой
замёрз в студьбе

студёных губ
зимы...
Аншлаг!
И мы
в стогу
иглой. И флаг
на льдине наш,
а не в руках

...и люди на
грузовиках
за ёлкой в лес,
где больше дров,
и бес (залез
бодать коров
и овец он),
и ангел, и...

все – мимо... Вон,
стоят столы!

Грядут пиры...

Выстрел в небо

Выстрелом в небо убил я Бога...
брякнулся с неба последний бог...

В качестве рифмы – одна дорога,
в качестве пары – один порог.

Не из любви я палил по небу...
пофиг мне тот, кто на небе был.
Сам я, покуда, на небе не был —
только стрелять по нему любил...

В качестве друга – одна собака
(в качестве скобок, урок – *сабак!**).
Со- и сабаки кусачи, так как
жизнь – это бой... (а смерть – это как?).

В качестве качеств – инакость речи
(сотни наречий впадают в речь!).
Плачет – так плачет, лечит – так лечит
всё, что в строку пожелает лечь.

Я – возделыватель бумаги!
В качестве оном – великий маг...
Строю дворцы и роняю маки
для окраски пустых бумаг.

Выше стою Вавилонской башни,
сжимаю ладонями полюса...
В качестве жизни – холмы и пашни.
Смерть – это бледная полоса.

*– *сабак* – каз. урок

В НОЧНОЕ ВРЕМЯ СУТОК

Приди домой – и подохни!
Сойди, как с крыльца, с ума.
Под окнами ходят кони,
и смотрят на них дома.

Моргают ко сну подъезды,
и кашляют на мороз,
и кони, как сгусток бездны,
– под сводом высоких звёзд.

Глаза их мутны, как вина,
как кляксы, блестят бока,
как ямы, чернеют спины,
незанятые пока.

Колеблющейся походкой,
боясь опрокинуть мир,
выходишь – и смотришь робко
на небо и снег под ним.

Быть может, близка погоня —
считай свои этажи!..
Но утро идёт, и кони
уходят,

и время – жить.

МУЗЫКА

И свет ещё горит,
и я ещё не умер,
и речь моя ещё
не выпита до дна.
Молчи! Не говори,
что этот мир безумен...
И речь ещё течёт
вишнёвого вина.

И речь течёт, и мир
безумен, слава Богу!
Твой мир и речь моя —
как сёстры-близнецы,
и третья – точно Рим —
иллюзия?... дорога? —
сестра мне и маяк,
театр, сон и цирк.

Пока ещё горит,
пока ещё играет,
пока ещё оркестр
не выдохся (в шкафу)...
не выдохся, как спирт,
живёт – не умирает!..

пока ещё свой крест
созвездия несут...

...Пока ещё несут
свой крест; пока играет
мой маленький оркестр —
то тише, то сильнее...
Предчувствуем весну...
и птичка вылетает,
синичка здешних мест...
Лови её скорей!..

«Ребёнком я знал...»

Ребёнком я знал
что когда-нибудь умру
как умирают все люди
меня больше не будет
Однажды в семь лет
я заплакал среди ночи
смерть неотвратима
исчезновение неизбежно

Теперь знаю о своём бессмертии
Душа
подобно бабочке
преодолеет смерть тела

подобно птенцу
расколет скорлупу мира
подобно слову полетит в синем небе

Знаю
или пытаюсь обмануть себя сказкой
перед сном
последним сном

искушение богом быть

искушение Богом быть
Богом же нам и дано
и из двух состояний
мы выберем только одно
мы пойдём по делам
или будем расти в высоту
покрываясь листвой
открывая мечтой красоту
совлекая покровы
с небес и невест и холстов
среди долгих дорог
опрокинутых в небо мостов
мы питаемся светом
на этой земле мы стоим
что мы строим под солнцем
что стоим пред взором Твоим?

к небу башню возвысив
на камнях и в сердце своём
стану богом и храмом
в пустыне Я стану царём
Я – стрела в неизвестность
к высокому солнцу – рука
бесприютна пустыня
и цель от меня далека
только волны и камни
в пустынях морях корабли
осыпается время...
сады затонули вдали...
как же ветрено здесь...
и песок забивает глаза
и опасно дышать
и смотреть против солнца нельзя
Я не знаю где свет
на каком Я стою берегу
Я не вижу Тебя
Я уже говорить не могу
да и что говорить
если временны место и речь
остаётся гореть
или в землю осыпавшись лечь.

«Вот и не знаешь, что делать: плакать или молиться...»

Вот и не знаешь, что делать: плакать или молиться,
или стихи писать – буквы крошить с листа...

Боже, как жизнь пуста!.. Но разве душа – не птица?
Разве, кто запечатал камнем твои уста?

Как же тебе не стыдно! – сам говоришь с собою...

Строки, меж тем, теряют – силу, а сердце – жар

(«птицу» – напишем в скобках, рифму найдём: «судь-
бою»).

В землю зарыться что ли... зверем в леса бежать?

«Я люблю переходить на красный свет...»

Я люблю переходить на красный свет.

Цвет зелёный, как тоска, – совсем не то,

пусть он в лампе, витаминах и листве,

и зовётся – малахитовый цветок.

Но на красное готов перебежать —

к чёрту ангелов и замыслы Его, —

и, покинув таракании бега
городов, из круга вырваться бегом...

Пусть сгорает светофор и небосвод,
и бежит из глаз и кранов всех вода,
не спасёт меня ни небо, ни ОСВОД,
ни слова, что переходят в провода.

«Наши синие сны стережет проливная луна...»

Наши синие сны стережет проливная луна,
не пытайся их взять, как проснёшься, в прекрасный
плен...

Память станет поляной белёного небом льна.
Выходя от себя, оставляешь себя в тепле.

Выходя от себя, оставляешь следы свои
на полях, на страницах написанных кем-то книг.
И идут затяжными дождями в тебе бои,
и горят городами большими твои огни...

Посмотри за окно: ты видишь, стоит туман...
он стоит, как часы; он в твоём (ты в своём) уме.
Город – словно хранилище книг, где дома – тома...
хоть страницу одну прочитайте в этот день сумей!

«Ты не станешь моей судьбою...»

Ты не станешь моей судьбою.
Ты не станешь моей надеждой.
Я скажу тебе: «Бог с тобою!»
И твоей не коснусь одежды.

Между нами всё безнадежно —
закатилось мое светило...
Лишь ненужная только нежность
к той звезде, что давно остыла

и оставила оттиск бледный
на пустом и холодном небе...
Только нежность... она – последний
наш недуг, белоснежный лебедь.

Наша нежность – она повсюду,
ей отравлены все предметы,
и тебя помнить долго будут
эти окна – и стены эти.

«Быть может, я совсем не тот...»

Быть может, я совсем не тот...
быть может, ты совсем не та...
О том не скажет нам никто
и не узнает никогда.

И мы не будем никогда
друг другу сниться, и потом
держаться за руки, входя
в мой прикипевший к тебе дом.

Быть может, я совсем иной
(совсем не твой). Но нет вины
твоей, что ты была со мной,
меня в свои пускала сны...

И заслонила собой свет
иных светил и цвет весны.
Вины твоей в сиянье нет
твоём и нет моей вины.

ОСЕНЬ

Ты – осень. Ты вошла в мой город...
Мой город, сердце всех дорог.
И был мне трогательно дорог
твой образ в сотнях лёгких строк.

Твой образ в сотнях лёгких листьев,
и в лёгких – лёгкий воздух твой.
Твой образ, трепетный и чистый,
умытый жёлтою листвою...

Ты – осень. Город мой пожаром
объят. Последний Третий Рим...
И ты вонзаешь свое жало
в меня, и ты мне говоришь,

что жизнь жестока и прекрасна,
что жизнь написана для нас...
О этот гимн!.. о этот праздник!..
Мой первый,
мой последний час...

Но ты кончаешься зимою,
но ты уходишь от меня —
и прячешь лиственное море,
и забываешь имена...

«Как светла и прозрачна печаль...»

Как светла и прозрачна печаль...
Как легки, невесомы качели,
на которых ты станешь качать
своё сердце. Настанет Сочельник.

Закружится под окнами снег,
твоё сердце укутано негой, —
неизменный заветный Ковчег,
отражённый единственным небом.

Это сердце ты будешь хранить —
ночь в ночи; кочевать по пустыне.
Сердце – ласточка, красная нить,
малый хлеб на пути к Палестине.

Это лодка в ладонях твоих,
что горит, не сгорая, – не гаснет.
...этот свет пред очами стоит...
Это первый, единственный праздник.

На весах, на качелях зимы
сняты сны, растревожена память —
то ли в вихре кружились мы,
то ли ангел кружился над нами...

Он снежинкой коснулся плеча,
избывая тоску и печали.
...так откуда же эта печаль,
словно свет за твоими плечами?..

«В клетках памяти обретаем мы бытие...»

В клетках памяти обретаем мы бытие,
и для каждого клетка отведена своя...
Даже если о саде неведомом нам поём
и не видим вырытых между словами ям.

На листе бумаги среди молодых могил
оставляешь след запятые былую боль
засыпаешь яму думаешь: ... помоги!
...и тебе помогает. Ты помощи рад любой.

А под утро ты засыпаешь
глубоким сном,
словно снегом – землю,
память и речь. Ты нем.
Рыхлый сон тебе сыплет за шиворот, ты же в нём —
растворяешься, настаешь... становишься ты никем

или всем, что одно и то же. Ты вышел в мир,
как выходят в море, стал каплей. Ты – плоть морей.
Ты являешься светом – и, кроме того, – дверьми,
что раскрыты для света,

и стражем у тех дверей...

Где взять слова, чтобы высечь из самого алого,
алого слова горячее, жадное пламя!..

Вдруг понимаешь – какое же нужно спокойствие
жёлтому Будде восточному с детской улыбкой...
И вспоминаешь... Впиваются нервные, острые...
и оборона моя превращается в пытку.

моей душе...

...эти строки тебе напишу, для тебя
взял перо и бумагу... (перо зачеркнул я...
потому что смешно...) но запутался взгляд
в знаках речи, скользнул по поломанным
стульям

и проник за окно. И пейзаж за окном
расступился, открыв сокровенные дали.
Оказалось настолько прозрачным стекло,
что неясные буквы за ним проступали...

То ли список заветных для нас журавлей,
то ли строк быстротечных прекрасная пена,
то ли это звезда бесконечных полей,
то ли имя, что птица-синица напела.

Всё исчислено, взвешено, разделено

в тесном мире вещей, декорациях-стенах.
Но открыто в иное пространство окно
из условного быта, предметного плена...

Для чего мне свет солнца и трепет травы,
и вино, пригубив, на траву проливаю
для чего, коль бессмертные боги мертвы...
ты умрёшь... для чего мне трава полевая?

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Я иду... (но куда?.. и откуда я вышел? —
то ли из дому, то ли – из прожитых лет...).
Ухожу вглубь себя я: всё ближе,
всё выше;
достаю из кармана свой счастливый билет.

Я потерян – как день, – и забыл о потере,
и стою над вселенной своей
я один,
словно маленький бог в той сплошной Лотерее
от младенческих ливней до полярных седин.

Выпадает то снег, то неожиданная карта...
человек упадёт – как звезда – из окна.
Выпадают из памяти детство и парта.
Выпадает любовь

и строка,

и страна.

Выпадает в осадок билет лотерейный...
белый дым, белый ангел, измученный мой...
Я найду тебя, в снежном саду, Лорелея.
Я вернусь!
Я вернусь, непременно, домой...

Марат Капашев

Ну почему бы мне не родиться фараоном

Ну почему бы мне не родиться фараоном —
Каким-нибудь Псамметихом двадцать шестым?
Щупая жриц, на Изиду посматривал я бы влюблённо
И думал, что плоть небожественных – жертвенный дым.

А потом бы построил себе огромную пирамиду,
Загубив сто тысяч рабов, сто тысяч веков.
И, лёжа в саркофаге, слушал и слушал себе» Аиду»,
В грядку вечности вросши, как репа или морковь.

И предавался не воспоминаниям- размышлениям.
Не о жизни и смерти, что всё – суета сует-
О том, что готику женских ног венчает свод вожделения.
Но позднюю готику придумал уже не поэт.

Попытка тоста

Когда умрём- обмен веществ-
Любых и разных – прекратится.
Пока среди живых существ-
Давайте пить и веселиться.

«Всё менее ретиво ретивбе...»

Всё менее ретиво ретивбе.
Кровь красная не так уже красна
Лишь одного: оставили б в покое
Хотел, хочу и, к счастью для меня,

Всё ж оставляют. Выхожу в дорогу,
Всё в тот же путь, что блещет и кремнист.
Дорога в никуда? Дорога к богу?
Кто скажет мне, какой криминалист?

«Капелька вечности на твоей ладони...»

Капелька вечности на твоей ладони:
Не то снежинка, не то звезда.

«Как амфоры афинской горло...»

Как амфоры афинской горло,
Струясь к неба синеве,
В себя сжимая тело моря
И человеческой траве

Чернофигурную доверив
Борьбу титанов и богов,
Дном моря Леты дно измерив,
Как смертью- нежную любовь.

Музейным мраморным палатам
Соседство мидий предпочтя-
Эллады сон, певучий атом
Того, ахейского дождя.

«Открыты шлюзы сна...»

Открыты шлюзы сна,
Сознание уносит
В тот заповедник тьмы,
Запретного,
Соблазна,
Цветут где ярко – красные кувшинки
На изумрудной, как огонь, воде.

«Любитель книг...»

Любитель книг

Я завещаю тысячу томов.

Чем хуже это тысячи домов?

«Королевы твои постарели давно...»

Королевы твои постарели давно,
В винный камень твоё превратилось вино.

Уши ватой застлала тебе тишина
И небывшая снится ночами вина.

И тоскуя, тоскуя о чём-то своём,
Среди ночи во сне льёшь ты слёзы ручьём.

Жизнь прошла, как проходит гремящий состав,
Полустанок врасплох среди ночи застав.

И опять тишина, тишина, тишина...
Жить – не страшно, тем более- смерть не страшна.

«Время тает в часах электронных, в часах песочных...»

Время тает в часах электронных, в часах песочных.

Чем отличается время Ксеркса от времени Тамерлана?

Лишь шелестит на ветру пожелтевший жизни
подстрочник,

Читанный теми уже и совсем не читанный нами.

«Допустим: влюбился, допустим, женился...»

Допустим: влюбился, допустим, женился
И годом позже ребёнок родился.

Дали общагу, потом квартиру:
Кухня, две спальни, ванна с сортиром.

Купил машину, построил дачу,
Завёл любовницу- родился мальчик.

На две семьи стал крутиться, как белка,
Встретил потом из провинции Элку.

Любовь до неба! – а лет уже- сорок,
Но, видно, еще какой-то был порох.

Тут все запутал, с женой развёлся,
Ещё ребёнок внебрачный нашёлся.

Было чудесно – стало прекрасно!
И в петлю голову сунул несчастный.

Судачили долго об этом коллеги:
«Я с ним согласился бы, будь он калекой

Или была бы серьёзной причина.
А жаль. Такой был видный мужчина!»

« Когда улитка выползает...»

Когда улитка выползает
Из звона дня-
Куда улитка пропадает?
Вот для меня

Вопрос первее всех вопросов,
Но есть ответ:
Звон дня и день- улитки тоже,
Улитка- нет.

Она- абстракция, скорее,
Верней, макет,
Что нам воображение греет,
А душу – нет.

Она как сущность тех предметов
«Внутри- извне»,
Как отрицание, как вето
Тех, что вполне

Есть примитив, согретый солнцем,
Зимы огнем
И рожками во тьмы оконце,

Влача свой дом,

Стучит скиталица из сути
В иную суть
Мы усмехаемся, как судьи-
Не обессудь,

Лукавое созданье божье
Верша побег,

От нас ты убегаешь тоже,
Но свой ночлег

Мы тоже охраняем свято
От суеты.

И в пустоту ползём куда-то
Из пустоты.

«Пусть сияет твоя доброта...»

Пусть сияет твоя доброта,
Как апрельских подснежников очи.
Мягче света и музыки кротче
Пусть сияет твоя доброта.

В майском небе плывут облака,
В голубой акварели мерцая
И несильная эта рука
Всё насилье земли отрицает.

И покамест горят облака
На закате рубиновым светом...
Я об этом, и только об этом...
Невесома, как ветер, легка,

Ты идёшь, и твоя доброта
Оживляет пространства пустые.
Чтобы верили, чтобы любили
Пусть сияет твоя доброта.

«Пусть будет скромно, неприметно...»

Пусть будет скромно, неприметно,
Укроется от многих глаз.
Пусть даже будет безответно,
Один – единственный лишь раз.

Бутон цветущий, ароматный,
Таящий капельку росы.
Чтоб было всё без слов понятно,
Чтоб счастьем шелестеть невнятно
Через песочные часы.

« Нетленны наши души, и быть может...»

Нетленны наши души, и быть может,
Нетленны где-то в вечности тела.
А что стихи? Лишь рябь на водной коже,
Лишь ангел, закусивший удила.

Концы он перепутал и начала,
И с детскими обидами порок
И легкий бриз у вечности причалов
Тела качает полые пирог.

«Пусть говорят: любовь слепа...»

Пусть говорят: любовь слепа,
Но к счастью лишь одна тропа.

«Я тебя не дёргал за косички...»

Я тебя не дёргал за косички,
За тобою не носил портфель.
И в помине не было привычки
Угощать конфетами: поверь,

Это всё от робости и только.
Ты строга, отважна, как Чапай.
За тебя и жизнь отдал бы Колька
Если что - всегда об этом знай.

«Всех снов холодные носы...»

Всех снов холодные носы
В ладонь мне тыкались устало,
Качались лунные весы,
Горели свечи вполнакала.

Звезда мигала мне с небес,
По льду из тьмы стучала рыба,
Весь в белом хлороформе, лес
Шептал невнятно мне: «Спасибо»

И плавилась моя душа,
И слёзы орошали очи.
Молчала вечность, не дыша,
И бой часов, средину ночи

Пробив, отнюдь не умолкал
И музыка не умолкала
Судьбы неведомых лекал
Познать значение алкала

Моя душа: из серебра
Визжали по небу полозья.
И ночь, строга и недобра,
Свисала с неба звёздной гроздью.

«Скажу, что ниже всякой критики...»

Скажу, что ниже всякой критики
Воры, путаны и политики.

**«Остановись, мгновенье!
Ты прекрасно!..»**

«Остановись, мгновенье! Ты прекрасно!
Кто против этого? Кто за? Единогласно:»

«На сотни каратов мои жемчуга...»

На сотни каратов мои жемчуга,
Кроваво, как пламя, играют рубины.
А я пожалела зачем-то врага,
Зачем- то его называла любимым.

Зачем-то я сыпала зелье в бокал,
К нему посылала свои паланкины.
А он- моё сердце в отместку украл
И так же играл, как с сердцами другими.

А он мне смеялся открыто в лицо,
И в грязь- жемчуга, и под ноги- рубины.
Признаюсь: недаром он слыл храбрецом,
Любимый мой враг и соперник любимый.

Я всё бы стерпела. Но он изменил.
И небом он клялся обычной рабыне.
И час его смертный тогда наступил
С моею тоской и слезами моими.

И вот их уж нет. И не будет уже
И неба врата отворилась пред ними.
Но, плача, в своей я признала душе,
Что я бы хотела быть просто рабыней.

«В спираль закручена ракушка...»

В спираль закручена ракушка,
Зыбка медузы пелена.
И шепчет валунам на ушко
Совсем случайная волна.

И берег падает покато,
Невнятен голос глубины.
И всё меняется, пока ты
Свои досматриваешь сны.

«Я молю о бутонах глазастых...»

Я молю о бутонах глазастых
С сердцевинкой из огненной тьмы.
Чтоб глядели из огненной пасти
Лепесточки, тычинки и мы.

«В мою печаль крупинка света...»

В мою печаль крупинка света
Влетела, как песчинка в створ
Жемчужницы, и знойным летом
Наполнился души раствор:

И, обволакивая радость,
Рождая ясный перламутр,
Пришла ко мне моя награда
Из всех ночей, закатов, утр.

Хожу спокойно, осторожно
И в том, что зреет дорога
Хотя б уже сама возможность
Наполнить светом жемчуга.

«Колонны дорический ордер...»

Колонны дорический ордер,
Разрушенный встарь Парфенон
Горит как языческий орден,
Всего человечества сон.

Мы жили тогда под эгидой
Хоть гневных, но добрых богов.
Терпели от них мы обиды
Не терпят каких от врагов.

И эти роскошные были
Запомним на все времена
Ведь горстка аттический пыли
На всю Ойкумену одна.

«На заре ты её не буди» ...»

«На заре ты её не буди» —
Всё равно ты её не разбудишь.

«Скажи мне: от каких невзгод...»

Скажи мне: от каких невзгод
Распух твой маленький живот?

Пришёл однажды мой сосед
И утащил велосипед
Однажды попросил утюг
Вернуть, как видно, недосуг
Просил крупу, печенье, чай
И все- как будто невзначай
Моей он удочкой рыбачит,
А это что-нибудь да значит
Моей он ложкой ест пельмени
И в чай кладёт моё варенье
Для дочки взял ночной горшок
Жене – стиральный порошок
Себе – костюм, трусы, подтяжки,
И, как всегда, вздыхает тяжело.
Он целит на мою машину,
Но ночью проколю я шины
Он хочет дачу и гараж
И постепенно входит в раж.
На кухне меряет метраж,
Унёс картину и витраж.

Он спит теперь с моей женою
И корчит рожи за спиною.
А я – смотрюсь в его трюмо
Убить? Но пахнет здесь тюрьмой.
Простить – но это выше сил.
Подумал – и жену простил.
Забрал гараж, забрал машину,
Трюмо, подтяжки и картину,
Утюг, трусы, велосипед.
Остался с носом мой сосед.

«На свете счастья нет» ...»

«На свете счастья нет» —
И не было, быть может.
Свой невесомый след
Запечатлей, прохожий,

В голубизне снегов
В прозрачной дымке мая.
Пусть не одна любовь
Печаль твою питает.

Пусть юности вослед
Спешит твоя дорога
«На свете счастья нет» —
Не сетуй, ради бога.

Будь добр и милосерд
К товарищам по бедам.
За горечью вослед
Идёт твоя победа.

«Как трещина по хрусталу...»

Как трещина по хрусталу,
Так молния по небосводу.
И только об одном молю:
Чтоб неба голубые воды

Опять сошлись, и синеву
Пронзило солнечное пламя
Ведь молнии лишь миг живут
Короче пауз меж словами.

«Какая песня за душою!..»

Какая песня за душою!
Какая песня за душой!
Ты стала сильной и большою,
Ты стала сильной и большою.

Я ветру отворяю ставни
И говорю тебе – лети!
Живи у ветра под руками,
Коль не убьют тебя в пути.

Как туча полонила небо,
Весь мир подлунный полони
И стань для страждущего хлебом
И смерти призрак обмани.

Какая песня за душою!
А я – то думал: грош цена.
Ты стала сильной и большою
И оторвалась от меня.

Я не держу. На крыльях ночи
Уходишь в свет и снова в ночь
А я помочь хотел бы очень,
Но чем тебе могу помочь?

«Закатом сожжёное небо...»

Закатом сожжёное небо,
Вечерних лесов алтари.
Любви потаенное древо,
Что пышно цветет до зари.

А утром – иная удача
И море обычных забот.
И нету здесь места ни плачу,
Ни песне. Уж как повезёт.

Здесь можно чего-то добиться,
Здесь можно чего-то хотеть.
А ночь – со звездою криница
И надо в ней плакать и петь.

«А мне б проснуться на рассвете...»

А мне б проснуться на рассвете,
И в полуяви- полусне
Почувствовать всей кожей ветер,
Почувствовать прохладу мне.

И, улыбнувшись в полумраке,
Пасть на подушку головой.
Ведь Одиссей плывет в Итаку,
И Пенелопа ждёт его.

«Нам за любовь дадут бессмертье боги...»

Нам за любовь дадут бессмертье боги
Блаженные счастливые года,
Когда душа – в гармонии с природой
И оттого прозрачна, как вода.

Когда глаза- синее небосвода
И в их тепле – уснувшая звезда.
Когда ветра о нас слагают оды
И, может быть, сонеты иногда.

«Я знаю, что неравна мена...»

Я знаю, что неравна мена
И что мой стёртый жалкий грош!
Ведь чувства первого цветенье
Ты мне с восторгом отдаешь.

«Я думаю – ах, о чём же? ...»

Я думаю – ах, о чём же? —
Запамятовал ненароком.
Поэзия стала бомжем.
Изысканность слога Востока,

Живой говорливый язык
Европы- подрезана лонжа! —
Мы поздно родились старик.
Поэзия стала бомжем.

Костёр догоревшей души,
Мерцают во тьме уголечки
И все потихоньку ушли
А мы – исписались до точки.

Из горла и хрип, и нытьё:
Всё явь и не сон же, не сон же
Впадайте скорей в забытьё,
Поэзия стала бомжем.

Бичи и бичёвки пера!
Где россыпи ваших талантов,
Ведь надобность в слове ушла,
В пучину неверия каньте.

А лучшее- сбейтесь в артель,
Бродить по дорогам вселенной
И пусть заметает метель,
И плачется зверь запаленный

Ведь это – родное для нас
И счастье поэта, и солнце
Вся твердь на поэте сошлась
И стала попутчицей бомжа.

Пустились в дорогу, вослед
Природа, пространство и время,
Чтоб душу свою отогреть,
А люди- пропащее племя.

«Иду по жизни, как по полю минному...»

Иду по жизни, как по полю минному:
Один неверный шаг – и всё. Аминь.
Есть в жизни всё – от пошлого до милого
И вязь понятных слов, и снов латынь

Есть мягкость, нежность, верность, милосердие,
Пушистые на сини облака
И грудь твоя в прицела перекрестие,
И бьющая без промаха рука.

«Вот бабочка – порхающий цветок...»

Вот бабочка – порхающий цветок
Нежней, светлей, чем ангела душа
Предчувствуя малейший ветра ток,
Растает в ярком воздухе, дрожа.

«Скучен плагиат, как ворованный воздух...»

Скучен плагиат, как ворованный воздух,
Грустен плагиат, как плакальщиц слёзы,

Скуден плагиат, как на зоне пайка,
Счастлив плагиат, как чужая байка

Где-то, мол, живут – молочные реки,
Сапоги не жмут, накрашены веки.

Синева небес переходит в море.
Но чужая песнь – чужое ведь горе.

И чужая высь – чужое ведь небо.
Своему молись, хоть чёрному хлебу.

Своего ищи и крова, и слова.
Нету- не взыщи. Другого улова

На другой воде другою же сетью
Пробуй. Свет везде. Ты просто не встретил.

Ветер есть везде, где парус приметил.
На другой звезде такой же есть ветер.

На другом краю такой же вселенной,
Но в другом раю в десятом колене

Есть другой уклад и песни другие
На груди звенят мониста тугие,

Воздух знойный бьют упругие бедра.
Там тебя не ждут- но ты ведь не гордый.

«Всё тик-так...»

Всё тик-так

Потому что я – так-тик

«Порою комментарии к роману...»

«Порою комментарии к роману,
Намного интересней, чем роман» —
Ормузд с тем обратился к Ариману.
Что мог ему ответить Ариман?

«Для бедной мышки...»

Для бедной мышки
И белая кошка-
Не свет в окошке,
А чёрная кошка
Как тьма сторожка,
Острее зубы,
Когти как вилы
К тому же еще
И нечистая сила.

«Я прощаю всех женщин, прошедших...»

Я прощаю всех женщин, прошедших
Через юность и песню мою.
Благодарен им всем бесконечно-
Славословий своих не таю.

Чем бы был я без ваших любовей,
Без капризов, без женских измен?
Я желаю добра и здоровья
И любви исключительно всем.

«Они сошлись: Кирпич и камень...»

Они сошлись: Кирпич и камень
Лопух и роза. Трут и пламень

Вино и пиво, газ и воды,
Шампунь и мыло, крем – и сода,

Лиса и заяц, Биттлз и АББА,
Рука и палец, полк и баба,

Крючок и рыба, рак и щука,
Палач и дыба, аз и буки,

Печаль и уксус, мёд и мишка,
Самец и мускус, рот и пышка,

Поэт и рифма, Блок и Тютчев,
Сатир и нимфа, рок и случай.

Бычок и тёлка, зной и стужа,
Стог и иголка, ещё к тому – же:

Бычки – с томатом, с дорогой – скатерть,
Признание – с матом, с деревней – лапоть.

С ворьём – малина, с собакой – кошка

С враньём – былина, пирог – с морошкой.

Ключи- с квартирой, малыш – с игрушкой
Простите, милый, но я не Пушкин

Пусть спор сей вечен – я знаю только
Из этой встречи не вышло толка.

О молодости

Я тогда разрывался на части
В жажде нежности, счастья, грехов.
Но остались стихи, а не счастье —
То, что всё-таки ниже стихов.

Сказание о Ленине

А Ленин был из нашей деревушки:
Простой свинарки сын и пастуха.
Доньне умиляются старушки,
Что не имел с девчатами греха.

Он их жалел и говорил: «Не я коль-
Так кто ж их пожалеет в жизни сей?»
Бросал с плота валун с верёвкой – якорь
И удочкой тягал он карасей.

В ночное ездил: он любил рассказы, —
Отцовы гены! – лошадей любил,
Боялся чура, черных кошек, сглаза
И медный крестик на груди носил.

Чтил масленицу, пост великий после,
Сворачивая в трубочку блины,
Макал их в масло. Если были гости —
Не вытирал он руки о штаны.

Ходил к причастью, и в законе божьем
Сильнейшим в школе был учеником
Любил ватрушки с молоком он козым —
И вообще со всяким молоком.

И, видя буку, говорил он: «Бука»,
И, видя бяку, говорил: «Говно».
Как атеист, он уважал науку.
И, как аскет, не уважал вино.

Не пил и не курил. Зарядку делал
И снегом обтирался по утрам
Не верил в бога, в диамат же верил —
Поскольку он его придумал сам.

Любил он собирать в лесу грибочки,
Солить и жарить с мясом и лучком.
И пел он «Варшавянку» с Кржижановским
Друг ситный Глеб и будущий нарком.

Любил вязать и вышивать на пальцах,
Гаданье в святки, пляски, хоровод.
Любил не токмо над собой смеяться —
Аж надрывал животики народ.

Вот так он жил и в одночасье умер,
Ботвиньи с пирогами переев.
И звёзды по-другому в полнолуние
Вдруг встали, и совсем другой посеяв

Назначили земле: цветёт Россия,
Опричь неё и пять шестых земли.
Ульянова Володю все любили
И ни за что его б не нарекли

Ни Лениным, ни Ильиным – так сколько ж
Личин носил один лишь человек?
Он стадо собирал рожком на зорьке
И пригонял под вечер на ночлег.

«Если поезд – значит скорый...»

Если поезд – значит скорый,
Коммунисты – значит воры.

1989г.

«Жить не по правде, не во лжи...»

Жить не по правде, не во лжи,
А так, как Нерли и Кижы.

Любовь – на кисточке души,
На самой дальней, на излёте.
А то, чем на неё грешим —
То не любовь, желанье плоти.

«Валентина, точно птица...»

Валентина, точно птица,
Вся в кипящей синеве.
Смех весёлый на ресницах,
Как росинки на траве.

Валентина улыбнётся —
Покачнётся целый мир.
Валентина засмеётся —
В тридевятом царстве пир.

Так живу: то грусть, то радость.
То печаль, а то аж две.
Что-то будет мне наградой? —
Мысль мелькает в голове.

И уходит, точно тени.
В жаркий полдень облаков,
И бросает в жуть, в смятенье
Легкий цокот каблучков.

Моря синь в ажурной пене
Вся просвечена лучом.
А о чём стихотворенье?
Да, наверно, ни о чём.

«Весь мир казался мне с горошину...»

Весь мир казался мне с горошину,
Цветную каплю монпансье.
И сам я гостем был непрошеным,
В него вломившимся уже.

Мне нравились его абрисы,
Его явлений карнавал,
Мне нравились тела и лица,
Все те, кто в нём не унывал.

Мне нравились шуты, шутихи,
И рыцари, и короли,
Модистки, фрейлины, портнихи,
Сердолики и янтари.

И карнавалы, и обманы,
Базары, сводни и разврат,
Улыбки, пудры и румяна,
Зонты, алмазы и агат,

Мне нравились его восходы,
Мне нравился его закат,
Любая нравилась погода,
А дождь мне нравился стократ.

Мне нравилось под мокрым снегом,
Под градом нравилось вполне,
Мне нравились его ночлеги,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.